

Евгений Кулагин

18+

*Сквозь
время в
Вечность...*

Евгений Кулагин

Сквозь время в вечность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42317933

SelfPub; 2020

Аннотация

Жизни героев сплетаются в больничной палате онкоцентра. Полные испытаний и борьбы, любви и счастья, побед и поражений. Женщина, которая не хочет жить. Мужчина, который боится потерять. Доктор, который должен сделать выбор. Все случайности не случайны, за все рано или поздно придется платить, а от горя до счастья всего один шаг. Главное никогда не прекращать борьбу, даже если она идет наперекор судьбе. Как это – жить, когда у тебя рак? Как это – любить того, кто смертельно болен? Как это – жить после? Этот роман – сильная история любви, которую можно перенести сквозь время в вечность.

Содержание

Часть первая.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Часть первая.

Дневник.

Тихое, беспечное ровное дыхание. Спокойный глубокий долгий вдох. Легкий выдох. Тишина.

Тик. Тик. Тик. Тик. В глубине комнаты, сквозь навалившуюся вязкую непроглядную темноту ночи, пытается пробиться звонкий ход настенных часов. Растворившись в эфире замкнутого пространства, до слуха доходит лишь сухой шуршащий приглушенный стук от соприкосновения секундной стрелки с очередной засечкой времени на своем пути.

Глубокая пустота. Ощущение бесконечности, замкнутой стенками собственного сознания. Сны? Они как миф, потерялись, стерлись, выветрились из меня, остались далеко в прошлом. Больше не беспокоят мою душу вымышленными фантазиями, рожденными на основе затлевших картинок прошлого. Отдых моего организма ничто не может побеспокоить. Моя жизнь размерена. Ночь превращена только лишь в приятную тишину для слуха, отдых для сознания, физическую передышку для уставшего тела.

Сквозь приоткрытую форточку могло бы пройти бессчётное количество звуков, живых, подвижных, ясных. Только вот и мир за окном тоже замер. Затих, как в сказке, словно в предвкушении. Окружающая реальность не осмеливается нарушать мой покой. Даже часы на какой-то миг замедли-

лись, секундная стрелка зависла, перестав отщелкивать время. Остановилось все вокруг и только мое ровное дыхание. Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Резкий звук молнией пронизывает покой сознания, озаря яркой вспышкой закрытые глаза, растворяющейся тревожной теплотой внутри меня. Звук телефонного звонка, будто сигнал, наделяет движением все вокруг: жизнь за окном просыпается, разрушая тишину десятками звуков. Шум шагов во дворе возвращающихся домой людей, отдаленный шорох движения изредка проносящихся с большой скоростью автомобилей на расположенном недалеко проспекте, скрип рамы и звонкий звук вибрации закрывшегося окна, еще одного неспящего полуночника. Резкая разрывающаяся трель стандартного гудка, свет экрана убивает темноту комнаты, чувствую это сквозь закрытые веки. Телефон должен валяться возле кровати. На полу. Наощупь вылавливаю его и подношу к уху.

– Да.

– Доброй ночи, извините, вас беспокоят с третьей городской больницы. Я Алла Коробова, медсестра. Полчаса назад к нам привезли Вашу супругу. Вы можете подъехать?

Я открыл глаза. Прямо передо мной на потолке отблеск фар проезжающей во дворе машины создал уникальный узор теней, быстро изменяющийся и перекатывающийся от окна вглубь комнаты, резко растворяясь в ее темноте.

Так Надя снова ворвалась в мою жизнь.

Я не спешил, но делал все четко и проворно, словно готовился к внезапной встрече заранее. Нега от сна сменилась напряженностью, полностью вытеснив какое-либо ощущение усталости от внезапно разбудившего посреди ночи звонка.

Оделся, собрал в небольшую сумку набор туалетных принадлежностей, полотенце, тапочки, туалетную бумагу. Вытащил из холодильника остатки сыра, зелень, огурцы и помидоры, взял хлеб, салфетки, ложку и кружку. Сложил в отдельный пакет. Чай, кофе. Чуть не забыл.

Сколько времени на все ушло? От силы минут пятнадцать, а я уже закрываю дверь и спускаюсь вниз по лестнице.

Почему позвонили мне? За несколько лет мне удалось вычеркнуть ее, наши годы совместной жизни из памяти. Даже избавился от всепроникающих воспоминаний, терзающих мыслями о потерянном счастье. И теперь снова еду к ней.

Тишина ночи, пустота освещенной дороги, мелькающие пустые стеклянные домики остановок создают обманчивое ощущение спокойствия легкой для движения трассы. Отблеск расчерченных дорожных линий, слепящей белизной отрывающихся от мутно-серого асфальта, проскакивающие освещенные бело-желтые полосы пешеходных переходов, мелькающие фонари, быстро исчезающие в периферии зре-

ния, уходящий растворяющийся в темноте свет автомобильных фар, отсутствие других машин и людей очаровывает безмятежностью, умиротворяет отсутствием необходимости быть бдительным.

Прямая дорога гипнотизирует. Мозг расслабляется, взгляд рассеивается. Возникшая перед тобой картинка замирает, время останавливается. Ты уходишь в другой мир. Мир без ритма жизни. Прийти в себя, вернуться назад без последствий возможно, только если твой путь в реальности извилист.

Уже за рулем я понял, что то, с чем боролся несколько лет, вновь неизбежно начало всплывать в моей памяти, погружая сознание в воспоминания. Такой вот побочный эффект у любви – невозможность забыть, удалить из памяти навсегда.

Интересно, какая она стала? Не думаю, что сильно изменилась. Все такая же яркая искристая озорная девочка с желто-солнечными волосами. Со своей бесподобной улыбкой и нежной кожей, такой легкой и мягкой на ощупь, словно проводишь пальцем по лепесткам роз.

Сколько я не видел ее? Да, три года. Может чуть меньше. Она ушла от меня в конце лета, тогда еще было тепло, и солнечный свет только начинал уступать свои временные позиции темноте. Не помню всех событий того дня, в памяти отчетливо осталась лишь дорога домой. Мы подписали все документы, сотрудница ЗАГСА официально оформила наш

развод, ее виноватая, родная и уже мне не принадлежащая улыбка, такое режущее слух сухое, но чувственно сказанное слово: – «Прощай». И все. Она развернулась и ушла.

Я сидел в автобусе. Машина? В те дни, трезво чувствуя происходящее, я позволял себе пить с утра. В автобусе свободное место было только прямо за водительской кабиной, развернутое таким образом, что я находился спиной по направлению движения. Не люблю эти места, меня с детства укачивало на них, всегда старался не садиться тут. Но тогда, в тот день мне было все равно. Стоять на ногах не было сил. Прислонив голову к окну, я бесцельно смотрел уходящие назад дома, улицы, районы города. Вот тот самый ресторан, где я впервые увидел ее. Исчез за поворотом. А здесь мы любили ходить на пикники, да и просто гулять, неторопливо идя по небольшому парку, выходя к поляне, с вечно зеленой густой и сочной травой, заточенной со всех сторон брусчаткой пешеходных дорожек, которая спускалась прямо в одно из озер, находившихся в центре нашего города. И она растворилась вдали длинной улицы среди машин, строений, уходя по дороге, плавно сливающейся с оживленным проспектом.

Огромный супермаркет. Периодически мы устраивали охоту за понравившимися новинками, брендами, зачастую так и оставшимися ненужными, не ношенными вещами. Шопинг – лекарство от скуки в лишенных фантазии жителей больших городов. Он тоже остался позади. Поездка по городу стала путешествием по событиям моей жизни, которые,

как и все теряющиеся из виду проезжаемые знаковые для меня места, оставались в прошлом.

Развод. Такое простое слово, такое незатейливое действие, такое распространенное явление, которое постоянно на слуху, что обычный человек теряет понимание, вложенное в это слово. И действительно, казалось бы, надоело, не пошло, ошиблись. Раз, и все. Но. Только стоит столкнуться, погрузиться смыслом этого слова, как на тебя тяжестью обрушивается до этого нисколько не волновавшие мысли. Как так? Почему со мной? Что я сделал не так? Кто виноват? Что делать дальше? Ведь развод – это черта, которую сам подводишь под определенным прожитым тобой промежутком жизни. Четко разделяется до, и вырисовывается неизвестное после. И порой становится неважно, каким было «до». Забываешь все то, что мешало и то, что привело к этой черте. Гораздо важнее становится, каким будет «после». И эта неизвестность пугает. Да, несомненно, будет лучше, у меня все еще впереди, исправлю эту ошибку. Только гнусно закрадывается вопрос: а вдруг развод и есть эта ошибка, и все еще можно исправить. Разве можно было тогда, много лет назад или совсем недавно, сделать неправильный выбор?

Приносит ли развод облегчение? Да, но только если ты признал и смирился со своей ошибкой.

Вдоль дороги высажены серебристые тополя. Попытка спасти дворы от дорожной пыли и угарного газа. Автобус пересек административную границу, и теперь я еду по нашему

району, в котором мы когда-то жили вместе. Наш район – молодой. Еще семь лет назад здесь город сливался с природой, за крайними домами были нетронутые человеком поля, кучковались посадки деревьев, образуя некое подобие леса. Теперь все забито высотками, быстро выросшими, как грибы после продолжительных осенних дождей. Человек сохранил небольшую часть естественной природы, заточив в парки и зоны отдыха оставшиеся не тронутые деревья.

Ветер шумел в их ветках, плавно покачивая верхушки и проворно перебирая еще полные жизни листья. Они с шелестом поддавались силе ветра, задирались, прогибались и переворачивались своей обратной стороной, которая резко отличалась своим цветом. Мутные, темно зеленые, при каждом порыве ветра волной переворачивались, превращая сначала часть, а потом и все дерево целиком в бело-серебристое туманное пятно. Мгновение, ветер стихает и пятно растворяется, вновь покрывая ветки своей зеленой стороной. Тополя принимают свой естественный привычный для восприятия вид. Завораживающая красота перемен.

Чуть не проскочил поворот на больницу. Унесся в воспоминания, забыв отпустить педаль акселератора. Резкий поворот, машину выносит на встречную полосу, центробежная сила изо всех сил пытается выкинуть меня с дороги, перевернуть, наказать за невнимательность. Удержался. Стоит отвлечься от мыслей и сосредоточится на трассе. Осталось совсем недолго до встречи с ней.

Больница. Тусклые коридоры. Я единственный ее косвенный родственник. Сопровождают в ее палату. Одноместная. Наверняка потом будет предоставлен счет за нее. Мы не виделись три года. Пару часов назад даже не мог представить, что опять буду смущаться при взгляде на нее. Палата. Мне разрешают войти и остаться с ней наедине. До утра. Видимо у медперсонала нет времени ночью отвлекаться на очередную пациентку, куда проще оставить меня смотреть за ней.

Сестра закрывает за мной дверь, и мы остаемся вдвоем. Полутемная комната, освещенная слабым светом лампы, стоящей в углу комнаты на столе. Полумрак. Я знаю, что с ней произошло. Не могу объяснить себе, зачем я здесь?

Медленно подхожу к больничной кровати. Белесо-прозрачные нити капельниц ниспадают сверху к ее кровати, впиваясь в обнаженную руку холодным металлом иголок.

Магия освещения. Она, такая знакомая, такая отдалившаяся от меня годами. Подхожу. Невероятно. Не могу поверить. Этого не может быть. Это она. Но. Как она изменилась. Никогда не мог представить, что такое озорное, игривое, детское, невинное молодое лицо может быть так искажено линиями жизни, очерствелой реальностью старения.

Она изменилась? Остались лишь прежние черты. Передо мной лежала бледная старая женщина, которой на самом де-

ле не было и тридцати лет. Что с ней произошло? Мои глаза. Не могу поверить. Мне противно видеть ее такой? Нет. Я никак не могу осознать, что же превратило эту невероятную по красоте девочку в потерявшую жизнь старуху. Сейчас замечаю. Только сейчас, спустя несколько минут, то, что у нее лысая голова. Ее прекрасных белоснежных волос нет. Может это придает ее лицу столь неестественный вид? Нисколько.

Совершенно бесцветная, она лежала передо мной, подключенная к системам жизнеобеспечения, такая отрешенная, лишенная жизни. Впалые щеки, слегка выступающие округлости скрытых веками глаз, губы сомкнуты, слегка поджаты. Ее губы. Она всегда во время сна поджимала их, пряча во время отдыха всю ту притягательную пухлость, мягкость и сочную алость губ. Поджатые сухие, местами потрескавшиеся.

Пока шел по коридору, сестра мне рассказала все. Все, что произошло этой ночью. Они с ним ехали в машине. Он спешил. Поворот. Не справился с управлением. Вылет на встречную полосу. Попытка увернуться от столкновения и отчаянное желание обезопасить ее от удара. Авария.

Он погиб мгновенно. Ехавший навстречу внедорожник отбросил их, машина, совершив несколько разворотов, вылетела с дороги и влетела в столб. Его тело перемешалось с искореженным металлом, превратилось в кусок порезанного мяса. Так бывает, что в катастрофичной аварии кто-то выходит без единой царапины. Даже разбитые осколки стекла,

оросившие все вокруг, не коснулись ее. Лишь удар и шок произошедшего стали причиной потери сознания. С ней все хорошо. Обезболивающее и успокоительные.

В углу палаты лежала сумка с вещами. Они ехали в онкологический центр. У нее был рак. Состояние далеко не оптимистичное. Он ее вез туда, чтобы оставить. Оставить там, в ожидании донора.

Подошел к ее сумке. Нехорошо лазить по чужим вещам. А она для меня чужая? Долгое время убеждал себя, что нет. Так долго, что теперь уже не вижу смысла притворяться и верить что эти мысли мучали и ее – для нее я давно стал чужим. Хотел найти ее папку, ее медицинскую книжку, ее диагноз, направления и любые другие бумаги, которые могли бы мне рассказать хоть немного про нее. Про ее состояние. Про ее жизнь сейчас, в настоящее время. Про ту жизнь, о которой до сегодняшней ночи я ничего не мог знать.

В сумке действительно лежала небольшая папка. Я взял ее. Прямо под ней была большая книга, похожая на ежедневник. В мягком тряпичном переплете. Любопытство всегда двигает людей к совершению нелогичных и неправильных поступков. Которых зачастую приходится потом жалеть. В детстве, с друзьями, из любопытства мы лазали в почтовые ящики соседей. Просто посмотреть, что за газеты к ним приходят. Пару раз вытягивали какую-то спортивную прессу. Низкая доступность информации увлеченных футболом подростков толкала на такие мелкие преступления. Не пом-

ню почему, но один раз мы вытащили пришедшее к одной из наших соседок письмо, с предложением обучения английскому языку в одном из вузов. Был столичный адрес отправки и интересный штамп на конверте. Замысловатые марки. Зачем оно было нам нужно? Любопытство. Что же там внутри? Ничего интересного. Бумаги, контракт, какие-то образцы документов. Мы все порвали и выкинули. А наша соседка, возможно, так и не изменила свою жизнь. Не использовала украденный нами ее шанс.

Жизнь ничему не учит. Или наоборот, делает все так, чтобы очередным выбором проучить нас. Эта книга была действительно ежедневником. Ежедневником ее жизни. Тайным слушателем мыслей. Единственным доверенным другом ее души.

Нельзя брать такие книги в руки. Я не имею права влезть в ее жизнь. Это подло. Она лежит рядом. Мирное дыхание. Едва уловимый всплеск капли лекарства в капельнице. В углу палаты небольшой стол с лампой. Перетаскиваю к нему стул и сажусь. Включаю лампу. Тусклый свет, направляю его себе на ноги. Кладу на них ее дневник. Раскрываю его. Подло, но не могу сдержать свое любопытство. Хочу погрузиться в ее жизнь. Узнать, что было после меня. Осознать, что было не так со мной. Понять, почему?

Рак

Красивый аккуратный почерк, плавно прописанные буквы сливаются в слова, предложениями ложатся в прочерчен-

ные машиной линии листов. Записанные мысли вырываются со страниц и, сливаясь с моим воображением, превращаются в мутную, местами размытую, но такую ясную картинку. Вижу ее, я, будто рядом с ней, тонкое чувство присутствия, нахожусь у нее за спиной, смотрю на все ее глазами. Отстранение от реальности. Чувствую каждое слово. Погружаюсь, тону в ее жизни.

Самый жуткий день. Мы с Мишей пошли на прием к врачу, были готовы мои анализы. Он не хотел меня отпускать одну. Я давно заметила, что во мне, в моем теле, происходят какие-то изменения. Только не придавала этому значение. Думала, что может усталость, может так у всех происходит с возрастом, может мне просто не хватает солнечных лучей в этом городе, где девять месяцев в году дожди, а небо постоянно затянуто густыми гнусно-темными облаками. Ведь всех периодически посещают слабость и тошнота.

Когда я начала терять вес, то была уверена в успехе постоянных диет. Только я продолжала худеть, даже забросив все эти диетические ухищрения. Появившаяся тяжесть в правом боку сделала мои дни невыносимыми, постоянно напоминая о себе ноющей тянущейся болью. Миша, заметил или почувствовал мою боль, не знаю, но сам завел разговор о моем здоровье. Я ему все рассказала, и он сразу же отвел меня к

врачу.

Больничные коридоры заставлены неудобными скамейками. На них невозможно расслабиться, сидишь в напряжении, ожидая своей очереди. Эти вечные очереди. Везде. Они всегда раздражают и достают, делая всех участников необыкновенно нервными. Но только не сегодня. Сегодня я рада еще немного протянуть в ожидании диагноза. Чувство, что он будет неприятным, не покидало меня с самого начала сдачи анализов. Все что творится со мной – не просто так. Хотя Миша верит, что все будет хорошо.

Никогда не придавала значения появляющимся на теле родинкам. Оказывается, их у меня образовалось довольно много. Не помню, но уверена, в детстве у меня не было столько. А еще этот горький привкус во рту, ставший постоянным спутником моей жизни.

У меня рак. Разве можно подготовиться к такому ответу. Даже понимая, что с тобой не все хорошо, ожидая любого возможного сурового заключения врача. Слезы хлынули из глаз, моментально выпуская все накопившееся за последние недели напряжение. Я не могла остановиться. Врач бесчувственно пытался рассказать про мои дальнейшие действия, про ожидающее меня лечение. Миша был шокирован не меньше меня, но вовремя взял себя в руки. Обнимал, шептал какую-то чушь о том, что мы все переживем, все преодолеем, все победим. Знаю, что это не так. Но я не хочу умирать. Потому и ревела, сидя в кресле у доктора.

Слезы смывают тяжесть с души. Как следует выплакавшись, на какое-то мгновение начинаешь чувствовать себя неплохо, будто ничего и не было, а уж если и есть какая беда, то обязательно все пройдет. Обманчивое чувство. Хорошо, что довольно быстро проходит. Реальность отрезвляет.

Что нам делать? Сухость врача и ни намека на возможность выздоровления. Таких как я у него было тысяча. Все со слезами и отказом верить. Наверное, он просто устал врать, что проведут лечение, тысячу химиотерапий, и все обязательно пройдет. Только Мишины заверения. Как же яростно он атаковал меня своими мыслями в успехе борьбы, подарил мне надежду. Его глаза горели. Смесь отчаяния, бешенства и решимости. Такой нежный, чуткий, мягкий, он преобразился. Что-то незнакомое в его чертах заражало меня уверенностью. Я поверила ему.

А что мне еще оставалось делать? Пережить боль, преодолеть страх, победить смерть. С ним мне все удастся сделать. Он моя единственная опора, мой единственный стимул к жизни. Ведь ради него я пожертвовала свою прежнюю. Сегодня был ровно год как я начала новую жизнь с ним. Можно ли было построить счастье на грехах прошлого? У меня не получилось. Мне не дал этого сделать Бог. Я сама виновата.

За все нужно платить. Эта мысль всегда невольно присутствовала во мне. Невозможно вынырнуть из воды сухими. Возникшую на пороке любовь нельзя сделать чистой.

Солнечные лучи, проскакивающие в комнату сквозь неплотно закрытые шторы, пробуждают меня своей яркостью. Сон еще не ушел, но начало нового дня постепенно прокрадывается в сознание. Действительно нового дня. Теперь все не будет как прежде. Все изменилось, нас ждет другая жизнь.

На удивление мне не снились ни ужасные, похожие на правду, реальности недалекого будущего, ни ласкающие своей неправдоподобностью сладкие мечты из прошлого. Ночь была без сна. Надеялась, что утро принесет перемены, откорректирует мои мысли, повернет мое сознание в оптимистическое направление. Понимаю, что сейчас это невозможно. Отключившись под действием снотворного и уйдя в сон вчера, я утром не изменилась, оставаясь в той же невыносимой печали, которую на меня обрушила реальность пришедшей беды.

– Доброе утро, родная.

– Ты давно не спишь?

– Ровно столько, что успел сделать тебе завтрак и собраться на работу.

– Можешь побыть сегодня дома?

– Сделаю все, чтобы освободиться раньше.

– Не оставляй меня одну.

– Ты же знаешь, что с того момента как мы встретились, ты больше никогда не будешь одна. Постараюсь освободиться как можно раньше.

– Так не хочется оставаться одной, мне становится тяжело быть в тишине. Моя голова наполняется всякими мыслями, плохими мыслями. Я не хочу быть одна.

– Это тяжесть общая для нас обоих. Я всегда буду тебя поддерживать, просто от того как ты сможешь побороть свое отчаяние и будет зависеть наш общий успех.

– Какая общая тяжесть, это ведь мне...

– Я люблю тебя.

Он наклонился ко мне и поцеловал, не дав закончить фразу, которую я не хотела говорить. Все это эмоции, не всегда подвластные воле хозяина. Как же он хорошо познал меня. И вовремя убегает, не дав буре негатива, такого лишнего и ненужного сейчас, обрушится на себя.

– Сам закрою, буду скоро.

Страх неминуемой смерти бросает в жар, от которого все тело горит огненной болью, внутренние органы сокращаются, сжимая организм в агонии, мозг отказывается соображать, превращаясь в подвластную инстинкту бесполезную серую жижу. Нет людей, которые не боятся смерти. Есть только те, кто еще не задумывался и те, кто уже умер, оставаясь еще живым.

Я никогда не думала, что мне будет так дико и безвыходно страшно. Почему так рано? Вчерашний день. Доктор

подвел итог под небольшим кусочком моего существования, обозначив впереди новую границу, границу, которую переместить хоть немного дальше, продлевая себе жизнь, будет невероятным усилием, вызовом, борьбой с судьбой. Готова ли я к этой борьбе? Возможно ли побороть предначертанное?

У меня рак. Я обречена. Разве смогу жить дальше? Сколько мне осталось и что я успею сделать за это время? Как мне продолжать жить, зная, что я умираю? Никогда не вникала и даже не думала о том, что есть люди, живущие со своей болезнью, ежедневно сражающиеся с болью своего тела, с ужасом положения. Была уверена, что рак – это приговор. А разве это не так? И вообще, что же такое смерть? Всего лишь еще одна форма жизни, когда душа попадает в другой, лучший мир. Или же обычное быстрое и простое исчезновение одного из миллионов организмов, живущих на земле. Вот как получается: есть, был, жил, а потом все. Все, просто нет, исчезает, пропадает и забывается со временем. Но как же те, кто рядом со мной. А кто у меня остался? Муж. Только он будет страдать и помнить. Только в его памяти останусь.

Миша, Миша. Как же сильно он должен был сдерживать себя, свои мысли, эмоции и страхи, чтобы дать возможность мне опустошить свое сознание, обреченное мыслями о безвыходности. Я не могла успокоиться, весь вечер проведя в слезах. Рыдая. Уткнувшись в его мягкое плечо. Выливая на него всю свою обреченность. Он не утихомиривал мою исте-

рику, не пытался меня утешать. Делал так, как нужно. Дал мне выпустить из себя всю злость, горечь, жалость и беспомощность. Что же чувствовал он?

Встаю с постели, тишина комнаты отдается звоном в ушах. Приятный аромат манит на кухню. Кофе и свежая выпечка. Банальная классика, но как же чертовски приятно попробовать еще теплый, пару часов назад появившейся на свет, легкий воздушный круассан. Романтика завтрака, покорившая миллионы. Даже горечь во рту не может противостоять заботе любящего меня. На пару минут все отошло в сторону, оставляя лишь приятное ощущение тающей во рту ванили.

Жизнь так устроена, что приходится находиться в постоянной борьбе. Но для того чтобы были силы противостоять всем напастям попадающим на пути, чтобы преодолеть все препятствия, нужен источник этих самых сил. Нужна цель. Что-то, что будет манить тебя осознанием возможности достичь высшей точки, того самого момента, которое и будет значиться для тебя счастьем. Стремиться к ней, к этой заветной мечте. А когда достигнешь ее, обязательно появится новая, начнешь понимать, что это не самый пик, который ты можешь покорить, появляется желание большего.

А какая цель у меня сейчас? Постараться выжить? Но как, если теперь все не в моих руках. Теперь моя жизнь полностью зависит от того, смогут ли врачи договориться с моим телом, понять болезнь и победить ее. А что могу сделать я?

Так глупо, мы ведь действительно только начали жить. Разделавшись со своим прошлым, пытаюсь создать наше будущее. Парадоксы судьбы? Очередное испытание? Запутанное и непонятное веяние жизни, которая так хочет лишить нас возможности быть вдвоем, возможности жить, даря себя нашей любви.

Что делать дальше? Бороться. Больше ничего не остается. Бороться ради него. Он будет несчастлив, если я не поддержу и брошу его стремление победить. Я же чувствую настрой сражаться, он полон сил и уверенности. Разве я могу подвести?

Подошла к зеркалу, посмотрела на свое отражение. Молодая симпатичная женщина, отдающие приятным отблеском солнечных лучей белоснежные волосы, яркие пронзающие озорством глаза, нежная кожа, красивое тело. Мы будем бороться с ним вместе. Наша любовь обязательно победит.

– Миша, я боюсь.

– Не переживай, я все время буду рядом с тобой.

Мы шли по небольшому парку, который вплотную примыкает к больнице. Я держалась за его руку, правда скорее это он обхватил меня и вёл по выложенной из бетонных квадратов дороге. Не слышу ничего вокруг, кажется, нас окружила тишина. Я слабо видела что впереди, опустив голову, раз-

глядывала под ногами дорогу, которая в моих глазах отдавалась размытым светло-серым пятном, уходящим в туманную даль. Ничего не чувствую, ни жары, ни холода, ни боли, ни радости. Я не чувствую себя.

Моментально лечить обнаруженный во мне рак сразу не удалось. Для операции по удалению больного куска печени было уже поздно, опухоль выросла из тех возможных для удаления двадцати пяти процентов. Необходимые препараты для начала химиотерапии тоже пришлось ждать почти месяц. Покупку новых, за свой счет, я Мише сделать не разрешила. Для этого пришлось бы лишиться нашей квартиры.

Как я проводила все это время ожидания? Продолжала существовать. Каждый день терзая себя мыслями о грядущей смерти, о бесцельно прожитой жизни, о том, сколько всего я могла бы еще сделать и почему все это произошло со мной. О том, что я натворила. Миша ежедневно внушал, что болезнь излечима и что не стоит глушить себя, нужно думать только о хорошем. Жизнь не кончена.

Пыталась. Не получалось. Разве можно заставить себя думать о хорошем, когда ты умираешь? Испытывая ежедневную физическую боль? Внутренние самотерзания.

Последние несколько дней у меня полностью пропал аппетит. Я не хотела есть. Не хотела ничего. Только страх приближающейся терапии мучительно оставался комком в моем горле. «Тебе нужно нормально питаться», – Миша с силой заставлял меня есть. Как ему объяснить, что я потеряла вкус

не только к еде? Ничего не хочу, я боюсь.

Нужно ли бороться? Наверное, да. Я ведь не успела еще столько сделать. Не успела показать Мише, как сильно его люблю. Дети, конечно же, я должна родить ему их. Он так этого хочет.

Он был сосредоточен. Остался сидеть в коридоре, в палату его не пустили. Эти воспоминания, они никогда не покинут меня. Лежу на больничной койке, и девушка в белом халате медленно вводит мне иглу в вену. Чувствую эту тянущуюся неприятную боль, словно при медленном нажатии на больной зуб, отдающуюся глубоко в моей голове. Лейкопластырь закрепляет в неподвижном положении иглу. Врач посмотрел на меня и, кивнув головой, начинает вводить мне в вену химикаты. Они должны отравить опухоль, попутно убивая все живое во мне. Как мне хочется почувствовать Мишину ладонь, сжать ее. Как же страшно.

Язвенно-жгучая, выжигающая все вокруг себя жидкость неторопливо начала втекать мне в вену. Кровь моментально подхватила ее и понесла, поглощая в себе, прямо к сердцу. Медленно, капля за каплей, химия растворяется в моей крови, полностью накрывая колющим онемением сначала руку, разрезая ее выемкой вен, постепенно чернеющих от яда, бегущего по ним. С ужасом жду, когда леденящее онемение затронет сердце. Оно замирает и, проводя через себя яд, отправляет его дальше по организму. Я словно дерево, корни которого обжигают огнем, продолжаю быть неподвижной, но

с каждой влитой каплей все больше и больше ответвлений моих кровеносных вен и артерий болью прорисовываются у меня в голове. Паутина боли перед глазами, каждый затронутый участок.

– Постарайтесь подумать о чем-нибудь хорошем.

Совет доктора, который видит не в первый раз эти мучения. Как можно подумать о чем-нибудь другом? Как отвлечься от медленно распространяющейся боли по каждой клетке организма? Стараюсь выловить из памяти хоть какие-то воспоминания, попробовать отстраниться и очутиться в каком-нибудь ясном и добром дне своей жизни. Ничего не приходит. Перед глазами так же стоит чувственная карта моего исполосованного черными потоками яда тела. И жгучая пронизывающая боль. Дьявольская пытка.

Сколько прошло времени? Первая химиотерапия не самая длинная. По астрономическому времени. Только вот в сознании она протекает будто бы вечность. Я не могла встать. Меня не могли долго держать в больнице. Миша помог мне выйти из палаты. Он всегда был моей опорой. Медленно передвигаясь по бесконечным коридорам, мы шли к выходу. Я хотела вдохнуть воздух, чистый от химических запахов больницы. Смешно, а ведь он действительно отличался по ощущению от того, который окружал нас несколько часов назад. Видимо, так всегда, после перенесенных мучений, мозг перестраивается таким образом, чтобы в минимальное время вернуть человека к нормальной жизни, вытащив душу из

окружившей болевой ямы, вернуть силы в ослабевшее, выбитое муками тело, вырывав из окружающего мира все то прекрасное, что не замечалось прежде.

Мы не успели выйти, меня начало тошнить. Боль сковала пустой желудок, меня рвало черной жидкостью, смесью желчи, крови и яда. Опустилась на колени, Миша придерживал меня, чтобы я полностью не рухнула на пол. Вокруг начали бегать и суетиться какие-то люди. Кто-то сказал: «После химии это нормально». В ушах шум, постепенно сменяющийся звоном, оглушительным, раскалывающим меня. Глаза медленно затекли черной пеленой яда. Я потеряла сознание.

Как же прекрасен этот непорочный, свободный, нетронутый болью воздух. Вдыхая его, начинаешь захлебываться идеальной, ни с чем не смешанной чистотой. Едва ощутимый солнечный свет ласково накрывал меня, разбиваясь на тысячи разноцветных лучей в моих полных слез глазах. Я не умела ценить свою жизнь, какая бы она ни была.

Мы прошли вглубь парка, и я попросила недолго посидеть на лавочке. Он обнимал меня, безостановочно говоря о том, какая я сильная, смелая и решительная, о том, что все смогу, справлюсь и буду всегда победительницей, и, конечно же, о том, как он меня отчаянно любит. А я смотрела высохшими от слез глазами на бредущую недалеко от нас рыжую кошку.

Она лениво передвигалась между дикорастущими веточками невысоких кустов, настолько ловко и умело изгибая свое тело, завораживая своей гибкостью. Заметила нас и, недолго посмотрев, так же неохотно направилась к нам, всем своим видом показывая полное отсутствие в потребности к чему-либо. Кошка сама по себе, сильная в своей независимости, хозяйка своих чувств и инстинктов. Довольная свободой жизни.

Она не пошла к нам, а хвастаясь пушистым хвостом, прошла мимо, совсем рядом. От нее вкусно пахло рыбой, причем не свежей сырой, а жареной. Нежный тонкий аромат родил в памяти то небольшое кафе, величаво именовавшееся «Рыбацкий ресторанчик», в котором царил запах готовившейся речной рыбы. В котором мы с Мишей встретились первый раз вдвоем.

Сытая и довольная жизнью, кошка еще пару часов не будет ни от чего зависеть, она так же величаво и грациозно медленно пошла дальше. Ей не так и много нужно, для того чтобы стать уверенной и почувствовать себя счастливой.

Воспоминание.

Отложил ее дневник, не закрывая последних страниц, положил его на стол, лицевой стороной вверх. Облокотился на спинку стула и уперся головой в стену. Я вспомнил ее еще совсем юной девочкой, в день нашей встречи. Такая милая, хрупкая, наивная и бесподобно смазливая, словно сошедшая со сказок картинка принцессы, нетронутая реальностью, с

неестественными по красоте изгибами и линиями волшебного образа. Как же давно это было, но никогда не смогу удалить из памяти ее, покорившую и изменившую мою жизнь.

Новогодний вечер. Хороший ресторан. Я начал мощное восхождение по карьерной лестнице в государственной энергетической компании, за пару лет поднявшись до начальника отдела развития западного направления. У меня в подчинении была команда, собранная уже лично мной, команда единомышленников, трудолюбивых и заражённых одной целью, максимальной самоотдачей. Все на благо продвижения наших приоритетных задач.

Сплочение коллектива, корпоративный отдых, совместное времяпровождение вне рабочих кабинетов – все это организация корпоративов. Хотя, в конечном счете, цель проводимых вечеров с коллегами, организованных их начальниками, не в том, чтобы сблизить коллектив. Увидеть подчиненных в нестандартной обстановке, разглядеть сплетение рабочих уз, раскрыть для себя чужие личные связи. Одним словом, на таких встречах гораздо проще выявить подноготную каждого из сотрудников. Главное при этом самому сохранять голову трезвой, аккуратно подыгрывать сложившейся обстановке.

Обстановка, правда, должна быть более раскрепощающей, выходящей за круг общения определенного числа лиц. Поэтому и вечер был не частный, закрытый, а проводился в большом ресторане, совместно с другими группками

офисных работников. Мы растворились в обществе себе подобных. Средний класс, успешные, довольные жизнью. Перспектива будущего накрывала каждого радужной оболочкой. Счастливые и беспечные.

Угар предновогоднего ожидания, алкогольное одурманивание, такт громкой музыки, хорошие премиальные, туман интимно-освещенного зала, откровенные улыбки, блестящие алмазной яркостью хмельные глаза, полумрак пустых беспринципных душ, общая единая, цельная, слипшаяся масса. Как же легко выделять в каждом слое общества затерявшихся, не своих. Замашки, привычки, поведение, одежда, лица, глаза, разговор, движение, слова. Даже место, которое выбирают, чтобы скрыться от шума вечера, оно на отшибе, в глубине, в углу. Не там, где бы встал любой из нас.

Этих ребят я заметил почти сразу. Да наверняка не только я один, просто к середине вечера, набравшимся впечатлений, они уже были совсем неинтересны. Их игнорировали, не замечали. Они никто. Эти ребята и вправду были никем. Попали сюда по чистой случайности. Они отличались. Не только одеждой, скромностью и всего одним бокалом шампанского на весь вечер. Их души. Они еще были полны своих, личных понятий и представлений о жизни, о правилах поведения, убеждены своими принципами и заряжены неотвратимостью реализации своей мечты. Они восхищались этим обществом, хотели стать его частью, пока еще не понимая и не принимая всю жестокость, подлость и мер-

зость скрытых от постороннего взгляда отношений внутри этой бесполой массы. Массы, где все вместе, но каждый сам за себя. У них еще все впереди. Но пока, тот вечер. Их неловкость, скромность, искренняя радость.

Два парня и три девушки. Они поочередно пропадали из виду, вероятнее всего, чтобы втихую выпить порцию алкоголя, принесенного с собой. И только одна из них, крепко вцепившись в бокал, была поглощена происходящим, внимательно осматривала и проникалась деталями вечера, пыталась стать его частью, участвовать в празднике вместе с другими, исключая цель просто напиться в новогоднюю ночь.

– Привет!

Она испуганно обернулась ко мне. Я старался как можно осторожнее держать дистанцию, чтобы не смутить ее, но громкость музыки вынуждала меня ближе наклониться к ее прикрытому белоснежными локонами уху.

– Привет!

– Мы не знакомы, я не знаю Вас.

– А всех здесь собравшихся знаете?

– Вадим!

– Надя. Только я здесь не одна.

– Знаю, видел.

– Нет, я здесь с парнем!

– Так я вроде бы ни на что и не намекаю.

– А зачем тогда подходили?

Она улыбнулась, слегка приподняла бокал, изображая что

поднимает его за меня, и, не прикасаясь к нему губами, плавно отошла от меня и, поставив бокал на стойку, прильнула к танцующим, растворившись в свете праздника. Божественна.

Этот бокал – олицетворение гордости. Она так и не подошла к нему, а я так и не мог найти ее весь вечер. Смешалась с массой, словно хамелеон, я не мог найти ее взглядом. Еще ни раз видел тех, с кем она пришла. Лишь спустя пару часов после торжественного боя Кремлевских курантов я снова увидел ее. Когда одного парня из их компании, перепившего, выводили из ресторана. Поспешил на выход, хотел предложить помощи. Но. Она гордая. Отталкивая такого же пьяного друга, сама пыталась привести в чувства своего парня. Хлопала ладонями ему по лицу.

– Давай поможем. Вернем его в общагу.

– Так, идите, развлекайтесь. Я сама.

И все. Чистая дружба закончилась, оставив на улице только меня и их. Все-таки праздник у каждого свой. А он уснул, завалив голову на плечо, придерживаемый ею от падения на замёрзший асфальт.

Она посмотрела на меня. Злая. Но прекрасная в своем бешенстве. Готовая разорвать все вокруг. Кричащая всем своим видом – «не смейте трогать меня!».

– Не надо мне помогать.

– А я и не собирался.

Развернулся и зашел внутрь ресторана. Мобильные те-

лефоны тогда уже переставали быть роскошью, но все еще оставались огромных размеров. Носить с собой крайне неудобно, да и модно тогда было с пафосом выкладывать их на стол, показывая всем свой высокий статус обладателя телефона без проводов. Собственно, эта мода не прошла до сих пор.

С ним она никуда не денется, а помощники вряд ли найдутся. Я вызвал такси и не спеша снова вышел на улицу. Немного времени и гнев от беспомощности преобразовался в слезы. Девочки. Они такие, сильные и несокрушимые внешне, всегда слабые внутри. Просто у каждой свой предел, пройдя который она уже не может контролировать себя и выпускает слабость на волю.

Метров пять от входа. Красное от пощечин его лицо. Грязная одежда. Сломанные каблуки. Потекшая по ее щекам дешевая тушь. Я закурил. Она не сдастся в попытках его поднять, хоть как-то привести в чувства. Сигарету докурить не успел, подъехало такси. Затушил об урну и пошел к ним.

– Мне не нужна ничья помощь!

– А я не тебе помогаю, а ему.

Весь грязный. Поднял его и потащил к машине.

– Э! Мне такого не надо!

Перепуганный таксист выскочил и стал преграждать мне путь.

– Машина моя, что я потом делать буду, а? Он мне ее загадит, а убирать? Мне?

– Тихо, я за все заплачу. Дверь мне открой.

Заднее сиденье полностью заполнено куском пьяного тела.

– Довезешь, и занесешь это, куда скажут. Сдачу оставишь себе.

Я щедро дал ему денег, он наверняка до сих пор вспоминает этот подарок и рассказывает эту историю, превращая ее в таксистскую легенду: «Про великодушный новый год». Заставляя делать выбор таксистов, между сулящей хорошими деньгами новогодней ночью и временем, проведенным в кругу семьи. Временем, которое мало кто ценит, сливая его в трубу повседневности, не желая выделять как некую возможность еще больше сблизиться с любимыми людьми. Хотя, так можно рассуждать, когда деньги у тебя есть.

Я подошел к ней. Посмотрел на нее, улыбнулся.

– С Новым годом, милая. Не пренебрегай помощью. Это не щедрость, а всего лишь милосердие. Очень приятно было познакомиться с тобой.

Подмигнул ей и пошел прочь, внутрь ресторана.

Мы встретились с ней спустя всего пару месяцев. Молодая, красивая, стройная и яркая, запоминающаяся. Студентка, иногородняя, совмещающая работу с обучением. Бойкая и жизнерадостная. Представительница одной из компаний

на первом в том году рекламном форуме. Легкая в общении, доброжелательная и улыбчивая. Как хорошая приманка, для возможных клиентов компании.

Конечно же, встреча не была случайной. Я вообще слабо верю в случайности. Все в этой жизни идет по замысловатому закону, разгадать который невозможно. Можно лишь подстроиться и немного изменять в нужную тебе сторону, вносить необратимые поправки.

Уже через неделю после нашей первой встречи я знал кто она, где живет, учится, работает. Стоило всего лишь угостить оставшуюся в ресторане ее подругу. И запомнить номер такси.

– Добрый день! Прошу Вас уделить немного своего внимания, и я подробно расскажу все, что наша компания может сделать для Вас. Прежде всего, мы лидеры по...

Какой же прекрасный у нее голос. Я отошел ненадолго от своих рабочих задач, не для того, чтобы просто послушать ее. Необычная, претенциозная. Она была объектом не только моих желаний. Нужно было что-то сильное, чтобы заставить ее обратить на себя внимание и согласиться на мое приглашение. Только вот я так и не успел ей предложить составить мне компанию на концерте одной из популярных мальчиговых групп, который проводился на закрытой вечеринке для дочери одного из владельцев нашей компании, куда я был приглашен с пометкой «плюс один».

– Вы ведь совсем меня не слушаете, правда? А ко мне по-

дошли, чтобы?

Она смотрела на меня так легко, игриво, с вызовом, я даже немного растерялся.

– Не переживайте, сейчас я одна. И соглашусь.

– Тогда давайте я заеду за Вами вечером, мы вместе поужинаем.

– Хорошо, только можно на ты. Мы ведь вроде как знакомы.

– Ты заканчиваешь во сколько?

– Давай я подожду у выхода в восемь. Только не долго.

– Я заберу тебя в восемь.

Милая девочка. Тогда она покорила меня и перевернула мою жизнь. В тот вечер я влюбился в нее, без остатка. Пленила меня, завораживала магической притягательностью, обезоружила, сделала своим. Как мне казалось, и я завоевал ее сердце навсегда. Я мог угадывать ее желания, восхищать и дарить ей все, что она хотела. Поменял её жизнь, внес возможности, которые она могла получить только со мной.

Я не найду её воспоминаний о том вечере в дневнике. Этой книге, скорее всего лишь пару лет. Вела ли она тогда дневник? Зачем мне ее воспоминания? Что я хотел узнать, любила ли она меня? Любила. Безусловно! Возможно, тот вечер не так ярко проник в её воспоминания, но наши встречи. Да, я старался удивлять её необычностью проведенного вместе времени. Выставка редких красивых бабочек, посещение клеток со львами и тиграми в приезде цирка, пры-

жок с парашютом и погружение к затонувшей подводной лодке, прогулки по крышам, наблюдение вечно кружащего вокруг земли метеорита, звезда, названная её именем.

Как же стремительно развивались наши отношений. Я любил ее, учил быть любимой, привносил в наши отношения озорство и спонтанность, воспитывал в нас постоянство влечения друг к другу, старался раскрыть перед нами разнообразие и краски окружающего мира.

Свадьба не была пышной, собственно этого не хотела она. Зато двухнедельный медовый месяц в райском месте на берегу лазурного моря вдали от шума цивилизации, покрытый незабываемым хмелем нашего единения, был поистине невероятным.

Мы купались в любви.

Это было тогда. А сейчас. Сейчас я сижу в полутемной больничной палате, читаю ее дневник, ворую её мысли, воспоминания, страдания, душу. Она лежит рядом, недвижимая, но, живая. Она рядом, но она давно не моя. Как так произошло? В очередной раз задаю себе вопрос, почему он, этот самый Миша, смог разрушить наше счастье?

Странно, его уже нет, но читая её боль пережитого, я все время думал только о нем. Вылавливал её любовные фразы, адресованные ему. И ревновал. Нет, так не должно было быть. Это я должен был быть рядом, поддерживать, направлять, бороться вместе с ней. Это моя ноша – переносить всю тяжесть ситуации, вероятную безысходность положения. Но

только вместе с ней. Ревную. К чему? К тому, что мог и не знать, к тому, чего не было, к тому, что осталось лишь на страницах ее дневника. Я еще могу все исправить!

А она. Ни капли не сожалеет о нашем разрыве? На ее страницах нет ни единого упоминания обо мне. Да, именно о нем она думала в тяжелые дни жизни. О том, кто был рядом. О том, кого она любила. А разве меня нет? Неужели наши прожитые совместные годы были лишь коварной игрой, полной обмана и лжи? Нет, не хочу верить в это! Просто что-то пошло не так. Но почему? Почему он, ворвавшись в нашу жизнь, так легко все разрушил? Почему мы позволили ему так легко разрушить нашу жизнь? Кто виноват?

Я беру со стола дневник. Пытаюсь настроить свои глаза на трудное чтение под плохо освещающей лампой. Беру его двумя руками и наугад перелистываю назад, почти к самому началу размышлений её прошлого.

Ночь вступила в свой варварский, полный непроглядной тишины, период, абсолютно оторвав тех кто не спит от ушедших в медленную фазу сна людей. Глухой мрак темноты. Тусклая лампа. Эмоции ее прошлого.

Наша любовь.

Теперь я одна не только целыми днями. Он полностью отдался работе, оставляя меня на съедение глупым вечерним ток-шоу, отвратительным семейным сериалам и бесцельному времени семейной жизни в одиночестве.

Совсем перестал обращать на меня внимание. Такой тре-

петный к мелочам, теперь же вовсе не вникает ни во что.

– Смотри, дорогой, как тебе моя новая прическа?

– Нормально. Тебе идет.

– Почему только после моего сигнала обращаешь внимание?

– Прости, просто такой тяжелый день.

– Дорогой, как тебе сегодняшней ужин? Я специально ездила в доки, к рыбакам, там у них купила самую свежайшую рыбу, запекла ее под соусом «Чермула». Это такой марокканский...

– Нормально. Спасибо, мне понравилось.

– Сегодня почти весь вечер убила на этот пряный соус, знаешь в чем весь его секре...

– Да, да. Я сейчас, только отвечу шефу на сообщение.

– Смотри, какое платье я подготовила к нашей годовщине.

– К чему?

– Как это к чему? К годовщине нашего знакомства?

– Ах, да! Точно. Подожди, помечу в напоминаниях в телефоне.

– Так ты будешь смотреть?

– Да, да. На вечере. Закажи сама ресторан, я пока занят.

Листаю страницы. Ну как же? Я же должен был обеспечивать семью, все-таки реализация карьерных планов сулила очень неплохие возможности, мы могли жить лучше, и я делал для этого все возможного. Неужели она совсем не пони-

мала этого? Следующая страница.

Я, конечно, все понимаю, но ведь можно же мне иногда уделять хоть немного внимания. Нет, не эти подарки, букеты и одиночные поездки на курорты теплых стран. Да, он занят. Да, он старается сделать нашу жизнь лучше. Но, я уже совсем забыла, что такое быть нежным с ним. Как это, погрузиться в его объятия, прижаться и почувствовать его желание, его трепет, его любовь. Мы перестали быть вместе. Находясь в одном доме, в одной комнате мы занимаемся абсолютно разными делами. Мы не интересуемся друг другом. Эти сухие фразы:

– У меня всё хорошо. Как ты?

– Да ладно. Ну, здорово, что так получилось.

– Серьезно? Молодец, так держать.

– Ага. Я тоже так думаю.

– Да, конечно. Что? Не услышал, повтори, пожалуйста.

Совершенно не вникая в суть того, что я ему говорю. Как будто испорченная пластинка, перекидывается заезженными сухими предложениями. Так нельзя. Меня угнетает это его невнимание ко мне. Нужно что-то менять.

Листаю еще немного вперед.

Я сегодня посетила интимный магазин. Всегда была уверена, что не решусь войти. Но, вот я была там. Секс-шоп.

Секс. Мы с Вадимом не спали, уже, наверное, месяц. Да, в последнее время наш секс больше напоминал именно супружеский долг – пресный, быстрый, обязательный. Без фантазии, без желания с его стороны. Без испарившихся неизвестно где в прошлом пресловутых искр и бабочек в животе. Пустое животное исправление нужды. Вернее заложенных инстинктов. Для здоровья. Нет, это меня начинает раздражать. Именно поэтому я и посетила сегодня этот, как выяснилось, весьма интересный магазин. Думаю, стоит и Вадима сюда привести, если мне получится вернуть его в нашу жизнь.

Никогда даже представить себе не могла, что существуют такие штуки, ухищрения, приспособления для реализации своей похоти. Для сладострастной потребности своего желания. Все эти огромный резиновые члены, хотя, как мне объяснили, сделанные под натуральную кожу, щупала, действительно, похоже. Так вот, я и понятия не имела, что такими огромными игрушками можно баловаться, даже страшно как-то, что все это, целиком, может. Плети, пробки, наручники, повязки, бондаж для сковывания движения, латексная одежда, страшные маски, и белье. От стандартных фантазийных школьниц и медсестер до экзотических аватаров и пчелок Майя.

Нет, пока еще не настолько я открыта к приключениям. Остановилась на белье. Красивое кружевное белье: прозрачные черные трусики, по краям обрамленные цветущими лепестками цветов, распускаясь перекрестием легкой сеточки

на лобке. В такт ему, прозрачный облегающий легкий, без косточек, бюстик, строгий тканевый поясок и чулки в мелкую сеточку с игривой полоской сзади посередине, спускающейся прямо к туфлям.

Макияж. Даже салон сегодня посетила. Весь вечер его ждала. Ждала. Ждала. И он пришел.

– Вау, ты супер! Вино? Нет, у меня завтра серьезный день.

– Спасибо, я перекусил на встрече.

– Подожди, какая постель. Мне нужно проверить очень важные документы.

– Да, конечно, не раздевайся. Мы обязательно займемся любовью.

– Подожди, не мешай, еще немного осталось.

– Прости, дорогая. Я заработался. Не хотел тебя беспокоить, лег спать в зале.

Разве это семейная жизнь?

Листаю еще несколько страниц вперед.

Да, он обеспечил меня всем. Но почему я чувствую себя, словно птичка в золотой клетке? Никаких ограничений, полное доверие. Но я хочу его, быть с ним. А он? Он отдаляется от меня с каждым днем. Кажется, перестала слышать его аромат. Запах его тела. А это так важно для меня. Теперь его подушка пахнет ничем. Его парфюм сливается с сотней других, которые я чувствую, проходя по улице. Улыбка? А

разве он улыбается?

Я забыла его прикосновения. Забыла всю ту нежность, которую он говорил мне. Потеряла вкус его поцелуя. Пресные прикосновения губ, которые были ритуалом при его уходе и приходе с работы, теперь тоже стали редкостью. Ему светит новая должность, он обещает, что с ней все изменится, сможет больше времени проводить в семье. Это уже третья его новая должность, которая должна была изменить нас. Я устала. Надоело. Мне противно каждый вечер, тогда, когда он дома, проводить время без него. Пытаюсь что-то изменить, но возможно ли это?

Листаю страницы.

Сегодня он, наконец, был со мной. У нас был романтический вечер. Почти как раньше, уже забыла когда. И секс. Что уже давно стало редкостью. Все было красиво. Да, он старался, я видела это. Только вот очень опасная мысль, терзающая меня, болезненная и обжигающая своей реальностью, проникла в голову. Мне было неинтересно с ним. Да, я не смогла восхититься, ощутить, насладиться нашей близостью. Это странное, гнусное чувство. Кажется, я не люблю его.

Нет! Этого не может быть, мы же столько лет вместе! Просто суета, склоки. Постой, какие склоки, мы ведь даже не ссоримся. Ему давно неинтересно мое мнение, он просто соглашается со всем, что я высказываю. А что думает он? Про-

сто делает, не спрашивая меня, делает так, как сам считает нужным. Что же это? Пресловутое насыщение, будни семейной жизни, засосавшая нас трясина повседневности. Нет, это все давно прошло.

Я боюсь признаваться себе в этом. Это ужасно. Не хочу это принимать. Но. Я не люблю его. Может, ошибаюсь и это всего лишь усталость? Немного потерпеть, все обязательно изменится, будет как прежде. Как раньше, много раньше.

Грустно. Я в погоне за призрачным счастьем не заметил, как истинное испаряется прямо в руках. Скорость в борьбе за победу, за выигрыш под названием обеспеченность, богатство, достойная жизнь, размывает действительность, стирает тонкую грань ощущения счастья от близости родного, любимого человека. Я отдалился от нее. Не мог понять, тогда, что ей не нужен был несущий вдаль гоночный автомобиль, достаточно было движения вдвоем в трясущемся и звенящем тихом трамвайчике. Семейном. Тогда я не понял ее. А разве она пыталась мне намекнуть на это? Неужели настолько был глуп, занят, ослеплен работой, что не обратил внимание на ее просьбы, требования, крики? Листаю дальше.

Он нашел меня через социальную сеть. Я стала много времени проводить в интернете. Моя жизнь плавно перекочевала на электронную страницу. Общение с давними подругами, фотографии, другие жизни. Забавно, но мало кто гово-

рит о своих проблемах. Там все счастливы. Каждый прячется за фотографией, блестящей, со счастливым взглядом, без стеснения обвешиваясь благополучием своей жизни: курорты, машины, бары и рестораны, красивые пейзажи, дети. Я тоже поддаюсь этой всеобщей идеей, показать себя, отобразить через фотографии и комментарии производную своей жизни. Только вот на них я всегда одна. Со статусом «замужем».

Мы с Мишей не просто учились в одном классе. Мы были парой. Красивой, видной, запоминающейся. О нашей искренней первой любви знала вся параллель, знали учителя. Мы не стеснялись своих чувств, на переменах теряясь в объятьях друг друга, передвигаясь по школе только за руку и целуясь в укрытых от взглядов углах. Секс? Нет, я была слишком воздушной для такого приземленного естественного проявления любви. Миша слишком уважал меня, ценил наше единство, не допускал пошлости в мою жизнь. Писал мне стихи. Взрослые, пронизанные наивностью.

Он нашел меня и написал. Простое: «Привет!» Изменился, стал взрослым, уверенным в себе, сильным. Ни грани хвастовства и что самое главное, не стал засыпать меня приторными комплиментами. Тактичный, интересный, внимательный. Не спрашивал, не лез в мою жизнь, все больше рассказывая про себя. Не женат, служил, сейчас в поиске работы.

Мы с ним так глупо расстались, тогда, еще в одиннадцатом классе. За пару месяцев до выпуска. Миша хотел посту-

пать в какое-то военное училище. Записался на курсы, в нашем городе был открыт некий учебный, подготавливающий к поступлению, филиал от того самого училища, обучение в котором давало возможность сдавать экзамены у нас в городе и уже уезжать в статусе поступившего. Как сейчас помню, три раза в неделю по вечерам он пропадал там. Свободные дни тратил на учебники и задачи. Я глупая тогда была, не могла потерпеть пару месяцев. Обидела его. Поставила ультиматум: или я или курсы.

А сколько я сейчас терплю? Поумнела? Так и не могу достучаться до Вадима. Эй! Ау! Или я или работа?

Так, о чем это я. В общем последние пару месяцев до выпуска мы с ним демонстративно не разговаривали друг с другом. Он обижен на то, что я хочу лишить его возможности стать офицером, я обижена на то, что он забыл про меня, лишил меня своего внимания. Променял на учебу. А после школы я, не задумываясь, уехала поступать в другой город и не слышала о нем до недавнего времени.

Так интересно. Столько лет не просто ничего не знать, даже не думать о человеке, забыть его, а теперь каждое утро начинается с милой переписки с ним. Общение ни о чем и обо всем. Такое забытое мной, когда мои мысли, мое мнение, не просто выслушивают, а понимают, оспаривают, соглашаются или отрицают. Живое общение через интернет. Такие звучные печатные слова. Интересно, какой у него стал голос? Пыталась вспомнить его в школе. Не получается. Те-

перь, когда думаю о Мише, вспоминаю не влюбленного юношу – свою первую школьную любовь, передо мной его образ сейчас: дерзкий, стойкий, мужественный. Притягательный.

Я часто стала о нем думать.

Их любовь.

Сегодня он предложил нам встретиться. Это давно уже напрашивалось. Думала, не сможет решиться, но теперь я сама в смятении. Одно дело невинная переписка, другое дело личная встреча. Чего я боюсь? Что будет скучно, неинтересно? Или же что нас кто-то может увидеть, из общих с Вадимом друзей? А может и сам Вадим. Нет, совсем не это меня страшит. Боюсь понять, что я влюбилась. Снова влюбилась в Мишу.

Возможно, я все это только нафантазировала, эти чувства к нему. Ведь последнее время я постоянно общаюсь с ним. Интернет, несмотря на отсутствие человека рядом, сближает, но в то же время мозг сам искажает реальную картинку, основываясь только на напечатанных словах, фотографиях и внутреннем настроении, вырисовывая нереальное, то, чего бы хотелось только тебе. Да, я поняла, мне хочется быть с Мишей, с таким, какой он представился у меня в голове. Именно тот образ мужчины, который я давно перестала видеть в Вадике. И боюсь, что реальность только лишь подтвердит мое представление о нем. Боюсь последствий. Придется что-то менять. Окончательно, бесповоротно.

Утренние сумерки. Самое холодное время суток. Пять утра. Земля еще не успела сделать полный круг вращения вокруг оси, энергия солнечного тепла прошедшего дня уже полностью отобрана ночью. В это время человек уходит в самый крепкий сон, который глубоко уносит сознание в мир грез. Я оторвался от дневника и посмотрел на нее.

Никогда не винил ее за наш разрыв. Она ушла к другому, мне же оставалось только принять это и попытаться как можно быстрее смириться и забыть ее. Работа. Лучшее лекарство. Теперь понимаю, что она еще и одна из причин. Как же я не заметил ее смятение, ее отторжения от меня. Память вскрыла еще одно воспоминание. Когда это было? Да, наверное, еще до ее встречи с ним. Не придавал тогда значение нашему разговору.

Мы гуляли за городом. Выехали в лес, хотели немного побродить на природе. Тишина, звонкие редкие чирикания прилетающих с зимовки птиц, отдаленный шум быстро идущей по руслу реки, зеленеющая сочная густая трава, тепло от прижавшейся ко мне любимой женщины.

Вышли из лесной посадки и шли по протоптанной тысячами ног узенькой тропинке, ширина которой заставляла нас еще ближе прижиматься друг к другу.

– Я всегда была уверена, что такие прогулки полезны. Свежий воздух, красота природы.

– Тишина и возможность оторваться от суеты города.

– Да, верно. Думаю, мне бы понравилось жить где-нибудь

в деревне, вдали от цивилизации.

– Не уверен. Мы слишком глубоко пропитаны благами городской жизни.

– Но все же, представляешь, время будто останавливается, нет этого жуткого рабочего графика, когда я только ночью могу видеть тебя. Мы бы вместе работали, создавали что-то свое.

– Ковыряться в земле? В деревне вроде только это и возможно делать. Ты уверена, что этого хочешь? А туалет на улице и мыться в тазике с водой. Не знаю, как все это ты бы пережила.

– Человек ко всему привыкает. Главное, чтоб была какая-то цель, опора и поддержка. Вместе ведь можно горы свернуть.

– Да, или же от безысходности. Когда нет сил что-то поменять. Нет возможности. Или желания. Тогда человек вынужден привыкать к тому, что имеет.

– Это обидно, когда нет сил. Или руки опускаются. Мне всегда жалко смотреть на бомжей. Выкинутые на обочину жизни. Неприкаянные, бесцельно живут, просто, чтобы существовать. И ведь даже не пытаются что-то поменять.

– Это очень тяжело сделать. Да и вообще, мне кажется, что они вполне себе счастливые люди. Никаких забот. Никаких идей. Никаких переживаний и стремлений. Плывешь по течению, хоть и грязной речки-вонючки.

– Все равно жалко их. А хотел бы ты что-нибудь поме-

нять?

– Нет. Меня все устраивает. Работа, которая мне нравится. Хорошая квартира. Ты рядом. Мне кажется, я самый счастливый человек.

Она вздохнула. Грустно улыбнулась. Это я вижу сейчас, в образе, память запечатлела момент, но тогда, тогда я не заметил эту ее реакцию на мои слова. Как же так? Может то и был тот самый переломный момент, ее намек, ее последняя попытка намекнуть мне, что она несчастлива.

– То есть ты серьёзно готова променять все, что у нас есть, наше настоящее и возможное будущее, беззаботность о завтрашнем дне, на жизнь с нуля, тяжелую и однообразную.

– Да, я готова все променять на жизнь с тобой.

Улыбнулся, остановился и обнял ее тогда.

– Мы же и так живем вместе, ты и я.

Поцеловал ее.

– Ну, да. Живем.

Она отпустила меня и пошла чуть вперед.

– Смотри, там впереди кто-то ловит рыбу. Пойдем, посмотрим на чужой шикарный улов?

Грациозно, медленно, словно не идет, а плывет, переносимая невидимым течением. Вперед, отдаляясь от меня. Я пытаюсь ее нагнать, но в момент останавливаюсь и просто смотрю вслед. Я люблю ее.

Как я был глуп. Так бессовестно ее потерял.

Впереди страницы, которые я принять не могу. Дело не

в ревности. Какая тут ревность, уже все прошло, случилось. Дело в том, что она на этих страницах счастлива. И теперь, спустя годы, я не уверен, что мог делать ее такой же счастливой со мной. Была ли у нас любовь. Были ли мы вообще счастливы?

Я сидела за отдаленным столиком неприметного среди множества других кафе на берегу утекающей вдаль реки. Миша выбрал «Рыбацкий ресторанчик» для нашей первой встречи. Хотя, на ресторан это заведение не было похоже, но внутренний антураж выполнен в стиле небольшого домика рыбака, увешанного сетями, всевозможной утварью и бесконечным количеством трофейных огромных, навечно сделанных неживыми, рыб. Деревянные столы, грубые стулья, на которых выстелена мягкая пушистая накидка.

Волнение. Я не могла терпеть времени, встреча назначена чуть позже, но мысли в голове были только о ней. Дома находиться было опасно, мои переживания переходили грань истерики. Не могла совладать с собой, боясь этой встречи, отчаянно опасаясь, но прекрасно понимая, что такой выбор – единственно правильный.

Сейчас, когда я пишу тебе, все охватившее меня волнение кажется большой глупостью. Я сделала верный шаг, когда решилась, согласилась на встречу.

Пришла раньше. Ждала его. Мои мысли. Хотела уйти, все бросить, забыть. Вернуться в свою реальную жизнь. Наша

дружба с Мишей казалась иллюзией, нездоровым желанием, основанным на неудовлетворенности от замужества. И я уже была готова встать из-за стола и уйти, навсегда оборвав общение с ним. Как же вовремя он пришел. Появился ниоткуда. И всего один его взгляд моментально рассеял мой туман сомнений. Я поплыла, ведомая им, навстречу новой жизни. Теперь, уверена, мы однозначно не сможем жить как прежде.

Он сидел напротив, с необъяснимой нежностью разглядывая меня. Его лицо очаровывало, несмотря на довольно глупую улыбку. Мы начали говорить. Не перебрасываться печатными словами, а говорить.

– Если честно, не думал что ты придешь.

– Я сама сомневалась до самого последнего момента. Это все так...

– Необычно?

– Нет, это все плохо. Мы не должны были встречаться с тобой. Это все как-то неправильно.

– Сейчас мы вдвоем. Отпусти свой страх, ты уже его победила. Освободись от него. Мы не делаем ничего предосудительного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.